

Войдя через парадную дверь учебного корпуса, вы попадаете прямым ходом к лестнице, ведущей на второй этаж. На балке над ней висят простые черно-белые часы — стрелки показывают без десяти два.

Отсчет времени идет, и ребята не могут не нервничать. К счастью, возможно, ради удобства выпускников, все классы одиннадцатого года обучения расположены на первом этаже. Одиннадцатый «А» находится сразу за поворотом направо, что весьма удобно.

Входя в класс, Чу Чжичжи специально обратила внимание на вход: на стене прикреплена объемная треугольная табличка. Белая основа выглядит совсем новой, а аккуратная надпись «Одиннадцатый А класс», выполненная красивым шрифтом, радует глаз — сочетание небесно-голубого и белого смотрится очень гармонично.

На стене рядом с дверью размещены шесть анкет с фотографиями и послужными списками — это все преподаватели их класса. Чу Чжичжи внимательно изучила их, стараясь запомнить каждую деталь.

Парты в классе расставлены в шесть рядов по пять мест. К этому моменту почти все ученики уже на местах, пустует лишь несколько стульев. Чу Чжичжи пересчитала присутствующих: вместе с ними ровно тридцать человек. Это немного успокоило её.

Учителя еще не было, и она прошла прямо к столу со своей именной табличкой. Окружающие ученики вели себя тихо: кто-то уткнулся в тетради, решая задачи, кто-то молча читал учебник. В классе стояла абсолютная тишина. Не только вокруг неё, но и во всем огромном помещении не слышно было ни звука — только размеренные движения учеников, напоминающие немое кино с элементами черного юмора.

Чу Чжичжи тоже достала учебник и поставила его на парту, изображая усердную учебу. На вторую половину дня запланировано два урока математики, один химии и один физики, но на всякий случай она принесла с собой все книги.

Теперь толстая стопка учебников лежит внутри парты, делая её даже устойчивее. Наводя там порядок, она нащупала в самом дальнем углу что-то странное. Достав предмет, она увидела скомканную пожелтевшую бумажку.

Оглядевшись и убедившись, что никто не обращает на неё внимания, Чу Чжичжи прикрылась учебником и осторожно развернула записку. На пожелтевшей бумаге девичьим почерком было что-то начертано.

Почерк был аккуратным и красивым, но во многих местах заметны грубые штрихи: текст был исчеркан так сильно, что стал нечитаемым. Хотя буквы казались написанными одной рукой, их размер и свежесть чернил различались — словно один и тот же человек писал их в разное время и каждый раз в гневе зачеркивал. В самом низу записки виднелось грязное темно-бурое пятно, перекрывающее большую часть слов.

Чу Чжичжи еще раз огляделась и опустила глаза, продолжая чтение. Она не ошиблась: это были засохшие пятна крови.

Что это за проклятое место... А-а-а! Что... что это за твари? Что это такое?! Я должна выбраться отсюда —

(Следующая строка)

НЕ! ВХОДИТЬ! В КЛАСС! (Буквы крупные, написаны с нажимом, местами бумага прорвана)

Бегите —

Слушайте учителя, соблюдайте правила... Нет! Нельзя слушать учителя...

(Следующая строка)

Они все монстры!!! Они — (большой зачеркнутый участок, разобрать текст невозможно)

(Через несколько строк)

Не верьте учителю, не верьте одноклассникам, не верьте никому.

Последняя строка была написана удивительно ровным и изящным почерком, словно автор в тот момент обрел душевное равновесие. Ниже виднелось то самое мутное темно-бурое пятно, скрывающее, возможно, какой-то текст.

Задумавшись, Чу Чжичжи опустила взгляд. Запомнив всё содержимое записки, она аккуратно свернула её по старым линиям сгиба и положила обратно. Затем она снова взяла учебник и, сделав вид, что ничего не произошло, продолжила чтение.

Она не знала, что случилось с автором записки, но, судя по пятнам крови, конец был не из приятных. Однако, будучи такой же узницей этого безнадёжного учебного заведения, у неё не было права сочувствовать кому-либо.

Во второй половине дня четыре урока, подумала она. По пятьдесят минут каждый, с десятиминутными перерывами, плюс десять минут после последнего урока, чтобы собраться. Если ничего не случится, этого времени должно хватить.

Делая вид, что читает, она краем глаза внимательно наблюдала за одноклассниками. Каждый из них выглядел живым и настоящим, полным энергии. Даже те ужасные эмоции, которые они пытались скрыть, были видны на их лицах — совсем не похоже на бездушных неигровых персонажей из их стартовых воспоминаний.

Инь Чанхэ сидел справа от неё. Чу Чжичжи посмотрела на него, встретила взглядом и сладко улынулась, сложив пальцы в форме сердечка. Заметив, как он отвернулся, и увидев, что его

уши под волосами слегка покраснели, она невольно довольно кивнула про себя.

— Дзинь-дзинь! Урок начался, прошу учеников вернуться в класс и подготовиться к занятиям.

Учительница Яо вошла в кабинет под последние звуки звонка. Она была в строгом черном женском костюме, в руках — лишь учебник математики. От неё веяло властью.

Увидев знакомого учителя, Чу Чжичжи выдохнула с облегчением: похоже, ближайшие два урока пройдут без эксцессов. И не только математика — остальные предметы тоже вели профильные учителя, новых учеников не появлялось, и весь вечер прошел на удивление гладко.

— Дзинь-дзинь! Урок окончен, прошу учеников отдохнуть, увидимся на следующем занятии.

С последним звонком все как один начали собирать рюкзаки. Десяти минут перемены мало, все хотели уйти пораньше — никто не желал оставаться в учебном корпусе до его закрытия.

Интересно, как кормят в местной столовой?

Время ужина приближалось, и Чу Чжичжи почувствовала предвкушение. С момента прибытия в этот начальный мир прошло уже шесть или семь часов. Она ничего не ела, только выпила немного кипятка в общежитии, и сейчас была ужасно голодна.

Увидев, что остальные закончили, она встала и вместе с толпой двинулась к выходу. Несмотря на количество людей, у двери не было давки: все выходили один за другим, быстро и организованно.

Чу Чжичжи подняла глаза и встретила взглядом с Лу Юем и остальными, стоявшими чуть поодаль. Похоже, они не ошиблись: правила действуют не только на них, но и на остальных учеников, так называемых неигровых персонажей. Иначе откуда у них такая привычка покидать класс максимально эффективно?

С другой стороны, для них это плюс: по крайней мере, не нужно беспокоиться, что неигровые персонажи будут тормозить группу и навлекут на них беду.

Столовая находилась за учебным корпусом, и группа быстро добралась до места. Как и ожидала Чу Чжичжи, на входе висели правила:

Правила столовой Первой высшей школы:

1. Время работы: завтрак с 05:00 до 07:00, обед с 12:00 до 14:00, ужин с 17:00 до 19:00. В остальное время вход в столовую запрещен.

2. Во время работы столовая абсолютно безопасна. Если вы задержались дольше установленного времени, не покидайте помещение, немедленно укройтесь на кухне и ждите следующего времени приема пищи.
4. Еда в столовой чистая и питательная. Если вы обнаружите волосы, ногти и тому подобное, это просто случайность — немедленно обратитесь к другому окошку для замены блюда.
5. В столовой работает ровно пять окон (с □ по □). Запрещено предлагать любые продукты из крови или мясные бульоны. Перед едой убедитесь, что блюдо соответствует правилам столовой.
6. Уважайте чужой труд, не тратьте еду зря, цените хлеб — начните с себя.
7. Вход на кухню и в рабочие зоны запрещен.
8. Прием пищи проходит в тишине. Прошу учеников не разговаривать, наслаждайтесь едой в спокойствии.

Ребята переглянулись. Атмосфера тревоги сгущалась, но никто не отступил. В конце концов, неизвестно, сколько им придется здесь пробыть, а силы им необходимы для завершения этой игры.

Они молча вошли в столовую. Стало ясно, что сегодняшние испытания еще не закончены.

В столовой царила привычная мертвая тишина. Все ученики ели, низко склонив головы. Кроме тихого заказа еды у окошек, не было слышно ни слова. В огромном помещении раздавались лишь редкие звуки жевания и легкое звяканье посуды.

Чу Чжичжи поделилась с девушками из своего общежития и встала в очередь к первому окошку — там было меньше всего народу.

Остальные тоже заняли места в очередях или пошли занимать столы, идеально вписавшись в общую массу школьников в сине-белой форме — они слились с толпой, словно капля воды в океане.

Очередь двигалась быстро, и вскоре перед Чу Чжичжи остался всего один человек. Она узнала эту девушку: бледная кожа, высокий хвост, изящная и тихая. Чу Чжичжи запомнила её благодаря рассадке в классе — эта девушка сидела слева перед ней, и каждый раз, поднимая голову, Чу Чжичжи невольно ловила взглядом её тонкий профиль.

Девушка стояла у окошка слишком долго. Настолько долго, что Чу Чжичжи невольно посмотрела на неё. Девушка, похоже, никак не могла определиться с выбором. Ее палец непрерывно скользил по стеклу витрины, словно она не знала, на чём остановиться. Долго выписывая круги, она так и не смогла принять окончательное решение.

На первый взгляд в этом не было ничего странного, но Чу Чжичжи чутко уловила неладное.

Тело девушки слегка подрагивало, взгляд испуганно метался по выставленным блюдам, и стоило ей едва коснуться стекла, как она тут же отдергивала руку, будто обжегшись.

Лицо у нее было мертвенно-бледным, за внешней сдержанностью скрывался неподдельный ужас. Она до боли закусил губу — сквозь кожу на щеках проступали контуры челюстей, а по тонким, мягким прядям волос скатывалась крупная капля пота.

Чу Чжичжи проследила за ее взглядом: помидоры с яйцом, свинина с перцем, свинина в кисло-сладком соусе, баклажаны в красном соусе.

В этом окошке всего четыре блюда, самые обыкновенные, ничего подозрительного. Не подавая виду, она исподлобья глянула на незнакомку: что же такого та увидела, раз ее охватил такой страх?

— Быстрее! Очередь ждет! — нетерпеливо прикрикнула раздатчица. Голос из-под плотной маски звучал глуховато, но громко, так что девушка испуганно вздрогнула.

Чу Чжичжи незаметно приподняла брови: сегодня и вправду везло — стоило захотеть спать, как кто-то подложил подушку.

— Я... я возьму это. — Девушка едва переводила дыхание. Она наугад ткнула пальцем в стекло, и в ее голосе отчетливо слышалась паника, не замечать которую было невозможно.

— Ты чего? — подозрительно осведомилась раздатчица. Ее маленькие, похожие на фасолины глазки из-за защитного экрана немигающе оглядывали посетительницу.

Тут Чу Чжичжи заметила, что сине-белая школьная форма на девушке выглядит запыленной, а в некоторых местах покрыта черными пятнами.

Подумалось, что душевное состояние у этой бедняжки, похоже, неважное, и в последнее время у нее просто не было ни времени, ни сил должным образом о себе позаботиться.

— Я в порядке, мне всё равно, — тихо ответила девушка. Если прислушаться, в ее голосе все еще сквозило легкое дрожание, но звучал он твердо.

Раздатчица еще пару секунд сверлила ее взглядом, затем, словно наконец приняв решение, зачерпнула порцию еды, зачерпнула из стоявшего рядом бака миску риса и уже хотела протянуть поднос.

— Погодите. — Чу Чжичжи сделала шаг вперед, загородив дорогу девушке, и прервала раздачу: — Ей сегодня нездоровится, аппетита нет. Ей только миску риса, без еды.

Раздатчица и незнакомка одновременно уставились на нее: во взгляде одной читалась благодарность, а вторая воззрилась на нее с прожекторным прищуром.

Раздатчица испытующе оглядела Чу Чжичжи, особенно внимательно посмотрев на ее грудь — убедившись, что на сине-белой форме нет никаких знаков различия, она перевела взгляд обратно на девушку.

Та поспешно закивала:

— Да, я не хочу есть, мне только рис, без еды.

Раздатчица еще немного помедлила, изучая девушку, затем опустила поднос обратно, быстро наполнила пиалу рисом и протянула ей.

Чу Чжичжи видела, как девушка благодарно улыбнулась ей, осторожно взяла пиалу с рисом обеими руками и поспешно удалилась.

Повернувшись к раздатчице, Чу Чжичжи мягко произнесла:

— Мне тоже, пожалуйста, только миску риса, без еды. Спасибо.

Что бы та девушка ни разглядела в этом окошке, сама она прикоснуться к здешней стряпне не собиралась, по крайней мере, пока безопасность блюд не подтвердится.

Женщина бросила на нее косой взгляд, повторила недавние манипуляции и протянула пиалу с рисом.

Едва ее слова затихли, как в поле зрения Чу Чжичжи попала остановившаяся неподалеку фигура.

А рыбка-то клюнула.

Взяв пиалу, Чу Чжичжи повернулась, а за спиной уже разнесся зычный голос раздатчицы:

— Следующий!

Не успела она сделать и пары шагов, как почувствовала, что у нее за спиной появился маленький хвостик.

Тоненькая фигурка затерялась в толпе, неотступно следуя за ней на некотором расстоянии и украдкой наблюдая.

Чу Чжичжи с легкой улыбкой махнула рукой товарищам вдалеке, знаком показывая, чтобы те пока не подходили. После этого она в одиночестве отыскала тихий уголок в стороне, молча опустилась на стул и принялась тихонько есть рис, опустив голову.

Вскоре из толпы протиснулся хрупкий силуэт и уселся напротив.

Лицо у девушки было миловидным, кожа — белоснежной. Стоило страху отступить, как наружу проступил ее чистый и нежный нрав, напоминавший утонченную и живую прелесть южных водных краев.

Она осторожно села, нервно огляделась и, убедившись, что никто на них не смотрит, с облегчением выдохнула.

Она сидела, опустив голову, и крошечными порциями отправляла в рот белый рис, не произнося ни слова.

Чу Чжичжи не торопила ее, молча разделяя эту трапезу.

В их уединенном уголке воцарилась на удивление тихая и мирная атмосфера.

Ела Чу Чжичжи все же быстрее, чем ее собеседница, которая пересчитывала рисовые зернышки. Сложив пиалу и палочки вместе, она собиралась встать и отнести посуду на место.

— Постой... — не успела она подняться, как сидевшая напротив девушка окликнула ее.

Та снова испуганно огляделась по сторонам, настороженно обведя округу кошачьими, миндалевидными глазами — точь-в-точь маленький котенок, впервые покинувший родительское гнездо и оставленный один на один с враждебным миром.

Чу Чжичжи даже показалось, что эта пугливость выглядит по-своему мило. Оставив попытки вести тонкую игру, она прямо спросила:

— Что такое?

— Ты... ты тоже видишь этих... — Девушка внезапно испуганно закусила губу, глаза и уголки ее рта выражали крайнюю тревогу и страх.

— Этих тварей полно. Ты про каких именно?

— Ты... — Девушка словно сбросила тяжелый груз. Глаза ее мгновенно засияли, а во взгляде, устремленном на Чу Чжичжи, читались надежда и доверие. — Ты тоже... Я так и знала, ты ведь тоже видишь... Я... Я как только увидела тебя, сразу подумала... Ты... Какое счастье...

Эмоции захлестнули ее настолько сильно, что она напрочь забыла про свою вечную бдительность.

Чу Чжичжи приложила указательный палец к губам, призывая к тишине, и покачала головой, намекая, что болтать здесь не стоит — правила столовой нарушать нельзя.

Девушка энергично закивала, в два счета доела остатки риса, после чего поспешно поднялась и пошла следом за Чу Чжичжи сдавать подносы.

Стоило им выйти из столовой, как спутница тут же не выдержала:

— Ты тоже ученица выпускного класса? Меня зовут Шан Сяосяо, я из первого класса. — При этом она продолжала настороженно озираться по сторонам.

Чу Чжичжи исподлобья изучала ее.

Казалось, та хронически не чувствует себя в безопасности, словно окружающий мир кишит смертельными угрозами и из-за каждого куста в любой момент может выскочить ужасное чудовище, из-за чего девушка пребывала в состоянии непрекращающегося стресса.

— Угу. — Чу Чжичжи с видом неприступной холодности кивнула, не добавляя лишних слов.

Шан Сяосяо, похоже, не задело такое отношение. Переполненная эмоциями, она семенила рядом с Чу Чжичжи, бессвязно бормоча что-то себе под нос: временами ее слова обрывались, но общий смысл все же улавливался.

Поглядывая на Чу Чжичжи, она продолжала жаловаться:

— ...Если бы я знала, что школа окажется... такой, я ни за что бы сюда не приехала.

На миг в ее голосе прорезались слезы:

— Я... я так хочу домой. Здесь... повсюду они... Здесь... жизнь просто невыносима. И не только в столовой, везде так, а по ночам... Бывало, что я... я уже думала покончить со всем этим раз и навсегда...

Лицо Чу Чжичжи оставалось непроницаемым. Она молча слушала, а в голове у нее уже шел стремительный анализ: сопоставляя полученные сведения с тем, что было известно ранее, она начала выстраивать общую картину.

Мимо проходило несколько учеников. Услышав всхлипывания Шан Сяосяо, они на секунду замедлили шаг, и в их глазах отразилась та же самая застарелая боль.

Но, помедлив мгновение, они тут же ускорили шаг и бросились прочь от этого маленького источника скорби, словно от чумы, которой лучше не заражаться.

— П-прости... Просто я больше не могу сдерживаться. — Шан Сяосяо всхлипнула и тонкими пальцами стерла слезы с лица. — Я пойду умоюсь, а потом зайду к тебе в общежитие, ладно?

Чу Чжичжи равнодушно кивнула, всем видом показывая, что ей всё равно.

Однако Шан Сяосяо восприняла это так, будто получила величайшую награду: даже ее унылое настроение на мгновение посветлело.

— Я сразу же приду, жди меня, ладно? — Шан Сяосяо через силу улыбнулась, пытаясь успокоить Чу Чжичжи, хотя отчаянную тоску на ее лице скрыть было невозможно.

— Мне нужно бежать, я пойду, а ты не спеши. — Она сделала несколько шагов вперед, обогнала Чу Чжичжи, торопливо вытерла слезы и прибавила шагу, стремясь как можно скорее скрыться в общежитии и спрятать свою неуклюжую беспомощность. Лишь ее удаляющаяся спина осталась перед глазами Чу Чжичжи.

Глядя на горькую улыбку Шан Сяосяо и ее удаляющийся силуэт, Чу Чжичжи вдруг почувствовала странный ком в горле. А когда оправилась от этой неожиданной волны кислых эмоций, впереди уже не осталось и следа той девушки.

Она невольно усмехнулась собственной глупости и наивности: дурочка, ты же сама по уши увязла в этой жуткой игре и не можешь выбраться, а еще находишь силы жалеть других?

Вместо того чтобы предаваться меланхолии здесь, лучше бы собрала побольше улик и поскорее выполнила задание. С этими мыслями она уверенным шагом направилась к своему общежитию.

В этот момент ее сердце пронзила острая, болезненная вспышка —

Ей вдруг показалось, будто Шан Сяосяо опутана густыми клубами черного тумана. Ее белоснежная кожа источала мертвенное запустение, не оставив ни единого следа жизни. Девушка из последних сил отчаянно билась, но движения становились все слабее... и наконец ее руки безвольно упали, погружаясь в кромешную тьму.

В душе родилось смутное пророчество: эта хрупкая, донельзя уязвимая девочка, пожалуй, уже никогда к ней не придет.